

ВОЛШЕБНИК ЖИВЕТ РЯДОМ

ИЗДРЕВАЕ известны слова мудреца: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

Пожалуй, это справедливо ко всем людям, кроме тех, которых с того же древнего времени нежно называли козлами. Или сатирами. Мне думается, к сатирикам (это уже современное слово) больше подходит перифраз знаменитого выражения: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты».

В самом деле: если ты, сатирик, смело бичуешь Ивана Ивановича за то, что у него одно ухо выше другого, и в своих испепеляющих обличениях не поднимаясь выше заместителя стрелочника, который, «козленно» виноват, что поезд чуть было не сошел с рельсов, но в общем-то он ведь, если приглядеться, тоже хороший человек! — то я тебе скажу, кто ты. Ты не сатирик. Ты меценат, ловко торгующий своей улыбкой направо и налево.

Народный артист РСФСР Аркадий Райкин — сатирик. И его последний спектакль «Волшебники живут рядом», необратительно поставленный А. Туттылиным, — спектакль сатирический. Я скажу сразу: он отнюдь не во всем хорош, этот спектакль, и вместе с чувством восторга оставил во мне, зрителе, и какое-то разочарование; но это не разочарование в таланте и мастерстве, это — неудовлетворенность чемпионом, который, прыгая с большим запасом, все-таки сбивает планку. И в этом, вероятно, больше виновен тренер, по рецептам которого совершает прыжок, — автор пьесы писатель Александр Хазин. Тренер, безусловно, заслуженный, с опытом. Он умеет быть ялым и печальным в смехе, а это драгоценное качество присуще не каждому сатирику. Он может быть по-хорошему сентиментален, т. е. трогателен, а это тоже сейчас на сцене — редкость. Но когда рядом с глубокими сатирическими обобщениями сцены «Юбилей» А. Хазина, а вместе с ним А. Райкин показывают нам сценку про профессора и студентов, лишенную большой мысли, да еще пронизанную налязшим в зубах банальным, пародийным представлением о студентах, как об этаких «весельчаках на общестии» — именно в этот момент планка и сбивается.

Спектакль бросает совсем в другую сторону, и зритель начинает чувствовать себя в зале чужим, ему кажется, что он сидит на двадцать рядов дальше, чем на самом деле, хотя место, обозначенное на билете, остается за ним. И тут его, зрителя, не спасает, не притягивает снова к сцене даже танец с элементами танца, легко и свободно исполняемый молодыми синтетическими актерами театра — Н. Соловьевой, Р. Карцевым и В. Ильченко.

Центральной и лучшей сценой спектакля является, по-моему, уже упомянутый «Юбилей». С убийственной беспощадностью к предмету осмеяния и точностью в деталях, репликах А. Хазин и А. Райкин расправляются в этой сцене с порождением культа личности — маленьким, безграмотным человеком, который попал в номенклатуру и стал «пожизненно» руководителем. Он туп и изворотлив, он угрюм и страшен, этот человек. Да, страшен!.. Но мы смотрели на него глазами сегодняшнего дня, глазами нового времени, которое вступило в противоречие со старым, разгромило его в основе и с каждым нашим шагом побеждает все от-

четавшее его притаявшиеся остатки. Вот почему мне хотелось встать, когда в конце этой сцены звучала клятва пионера. Нет, это не принятый белыми нитками «политинформ» доводок под занавес.

Это совесть наша. Это ярость наша. Это наша непримиримость.

Сатирик Аркадий Райкин через отрицание пробуждает в нас святой огонь человечности.

Иные зрители ходят «на Райкина» с единственной целью — «надорвать животик». А спектакль — другой. И Райкин — другой. Зрелый мастер, он хочет, он настаивает, чтобы мы смеялись от ума, а не «от живота». Однако это папка о двух концах. В свою очередь и мы, зрители, предъявляем в этом случае к мастеру повышенные требования. И уже не прощаем ему те огрехи мышления по большому счету, которые он иногда допускает. Например, в сцене, где пьяница председатель колхоза разговаривает с коровой. Здесь фарс вступает в противоречие с той острой и жизненно важной темой, которая затрагивается театром.

Обычно рецензенты, пишущие о Райкине-актере, начинают свой рассказ так: «Я вошел в его артистическую уборную в перерыве и застал его лежащим без сил на маленьком диванчике».

Рядом на спинках стульев висели 10 мокрых рубашек, которые Райкин менял в течение первого действия. Еще 15 были приготовлены для второго акта...» Не знаю, может быть, это и правда. А может быть, и легенда, ставшая своеобразным штампом. Я не был за кулисами у Райкина и не могу сказать что-нибудь в этом роде. Но как зритель, сидящий в зале, я свидетельствую, что на спектакле «Волшебники живут рядом» Райкин работает с тем напряжением самоотдачи, на какое бываю способны только большие актеры. Кто-нибудь возразит: так ли это?.. Ведь в этом спектакле Райкин обходится без впечатляющего эффекта мгновенных переослабаний, без традиционного калейдоскопа сценок-минут, к которым мы у него так привыкли?!

И этот «кто-нибудь» будет неправ, потому что актерский темперамент измывается не в рубашках, а в нервах. Райкин держит весь ритм спектакля, героически старается заслонить собой дыры в драматургии, он ищет новые краски, импровизирует... И, наконец, он думает. Он постоянно думает на сцене, особенно, когда играет своих дураков. А думать на сцене — это самый тяжелый труд, какой только может быть у актера.

Когда-то, давным-давно, у юного мальчишки известного коферансе Аркадия Райкина был номер: он что-то говорил, а во рту у него вдруг появлялся красный шарик, только артист успевал вынуть его, как во рту вдруг, сразу выскакивал новый... И так — несколько раз. Это было просто смешно. И все. Мастерски выполненный трюк. Не более.

И вот сегодня мы видим, к каким высотам поднялся актер, начинавший с безделушек. Поэтому не будем названо спрашивать Райкина, кто его враги.

Это наши с нами враги. Общие.

И не будем допытываться, кто его друзья.

Мы же знаем, кто. Мы!

Марк РӨЗОВСКИЙ.